
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINALLY-REMEDIAL MEASURES OF CRIME FIGHTING

УДК 343.14
DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(4).779-789

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ФАКТА: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Л.А. Воскобитова, В.И. Пржиленский

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления
22 марта 2016 г.

Дата принятия в печать
10 ноября 2016 г.

Дата онлайн-размещения
29 декабря 2016 г.

Ключевые слова

Факт; реальность; концептуализация;
конструирование;
уголовно-процессуальное
познание; особенности объекта
познания; обвинение; доказывание;
доказательства; истина; критерии
правильности результата познания;
уровни познания

Финансирование

Статья подготовлена в рамках
проектной части государственного
задания на выполнение НИР
Министерства образования и науки
РФ по проекту 942

Аннотация. Настоящая статья посвящена перспективам развития теории уголовно-процессуального доказывания в целом и познания в частности в контексте философской и частнонаучной экспликации понятия факта как сложной познавательной-описательной конструкции, детерминированной различными интеллектуальными, социальными и технологическими факторами. В центре анализа — предметно-методологическое взаимодействие юридической и философской науки, а также влияние, оказываемое на этот процесс социокультурными и правоприменительными практиками. Обосновывается междисциплинарный и надпредметный характер обращения к семантике слова «факт» и осуществляется экспликация разнообразия способов его концептуализации. В связи с проблемой историко-философской и историко-правовой реконструкции понятия факта этапы его эволюции подвергаются герменевтическому и логико-смысловому анализу, доказываем тезис о гетерогенности представлений о факте в частнонаучных юридических теориях, в том числе и в теории доказывания. В статье также прослеживается логика включения философских интерпретаций понятия факта в теорию уголовно-процессуального познания и доказывания на различных этапах развития последней. Обращается внимание на то, что объект познания — преступление — представляет собой единичный факт реальности, который нельзя познать путем непосредственного восприятия, поэтому текст обвинения невозможно соотносить непосредственно с самим событием. Доказательства также существуют преимущественно в форме текстов, поэтому познание сводится лишь к сопоставлению текстов, но не к сопоставлению текста с реальностью. Двухуровневое понимание доказывания недостаточно, и предлагается трехуровневое понимание его технологии. На первом уровне происходит восприятие фактов — отдельных фрагментов преступного деяния, сохранившихся на момент познания. Именно эти факты после их юридического и системного анализа должны лежать в основе описания события преступления. На втором уровне формируются доказательства, фиксирующие и сохраняющие информацию о выявленных фактах-фрагментах, обеспечивающие адекватность их описания в соответствующих протоколах. На третьем уровне происходит формирование выводного знания в виде текста о преступлении, описываемого в соответствующих процессуальных документах.

EVOLUTION OF THE NOTION OF FACT: ISSUES OF LEGAL COGNITION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

Lidiya A. Voskobitova, Vladimir I. Przhilenskiy

Moscow State Kutafin Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2016 March 22

Accepted
2016 November 10

Available online
2016 December 29

Abstract. This article is devoted to the perspectives of developing the theory of proof in criminal procedure in general and the theory of cognition in particular in the context of philosophical and research explication of the notion of fact as a complex cognitive and descriptive construction determined by different intellectual, social and technological factors. Substantive and methodological interaction between legal science and philosophy as well as the impact of socio-cultural and law enforcement practices on this process are placed at the core of the analysis. The authors present reasons for the interdisciplinary and trans-objective approach to analyzing the

Keywords

Fact; reality; conceptualization; constructing; criminal procedural cognition; characteristics of the object of cognition; prosecution; proof; evidence; truth; truth criteria of cognition results; levels of cognition

Financing

The paper is written within the framework of the Project Part of State Task for Research from the Ministry of Education and Research of the Russian Federation, Project 942

semantics of the word «fact» and describe various ways of its conceptualization. They also conduct the historic-philosophical and historic-legal reconstruction of the notion of fact by analyzing the stages of its evolution using hermeneutic and logical-semantic methods and prove that the perception of fact in specific legal theories, including the theory of proof, is heterogenic. The logic of including the interpretation of the notion of fact into the criminal procedural theory of cognition and proof at different stages of the development of the latter could be traced through the article. The authors draw attention to the fact that the object of cognition — a crime — is an individual fragment of reality that could not be cognized by direct perception, consequently, it is impossible to correlate the statement of charge with the actual event. Evidence itself exists mainly in the narrative format, so cognition consists of comparing different texts, not comparing a text to reality. According to the authors, a two-tier concept of the proofing process is not sufficient, so they propose a three-tier approach. At the first level, the cognizance of facts takes place, where facts are understood as individual fragments of reality remaining intact at the moment of cognizance. These very facts will be used as a basis for the description of a criminal act after their legal and systemic analysis. The evidence, that captures and preserves information about the revealed facts and ensures their adequate description in relevant documents (protocols), is generated at the second level. The third level is the production of inferential knowledge, of a narrative that describes the criminal act in relevant procedural documents.

В современной философии факт трактуется как знание, достоверность которого доказана, или как предложение, фиксирующее эмпирическое знание. Но так было не всегда. Толковые словари довольно точно закрепляют значение слова «факт» в обыденном словоупотреблении, объявляя его синонимом слов «истина», «событие», «результат». Действительно, латинское *factum* переводится на русский либо как «сделать», либо как «сделанное», либо как «свершившееся». По всей видимости, это слово претерпело первую концептуализацию в римском праве, где оно использовалось для того, чтобы отделить намерения от их исполнения, т.е. содеянное от того, что ему предшествовало, с ним связано, его окружает, но остается в сфере решений, желаний, намерений, мотивов, обстоятельств, другими словами, разделить то, за что приходится отвечать, и то, что с ним связано, что, может быть, явилось его причиной, но само по себе не влечет правовых последствий [1, р. 28].

Новое время, наступление которого нередко связывают с научной революцией и распространением экспериментального метода Галилея, поставило перед философами задачу формирования новых критериев доказательств, не связанных ни с авторитетом, ни со спекулятивным мышлением. Тогда-то и понадобились приемы доказывания, сходные с теми, которые не просто практиковались в суде, а были ориентированы на проверку гипотезы относительно единичного, конкретного, уникального события. Задачи схоластов по выведению частного из общих принципов или начал, кото-

рые постигаются при помощи умозрения, были решительно отвергнуты [2, р. 172–173].

На смену схоластическим дедукциям пришли утверждения о наличии у всех вещей определенного рода какого-либо свойства, полученные путем индуктивного обобщения единичных данных. «Если, наконец (когда вещь по своей природе нейтральна и зависит всецело от свидетельских показаний), невозможно предполагать, чтобы против факта имелись такие же беспристрастные свидетельства, как за него, что можно узнать путем исследования (например, жил ли семнадцать веков тому назад в Риме такой человек, как Юлий Цезарь), то в таких случаях, я думаю, ни один разумный человек не может отказать в своем согласии; оно скорее с необходимостью следует за такими вероятностями и присоединяется к ним» [3, р. 265]. И хотя в приведенном отрывке Д. Локка на английском языке само слово «факт» не употребляется, в нем присутствует понятие факта, и дается это понятие в юридическом значении, что и было подтверждено интуицией русского переводчика [3, р. 265].

Но уже у Д. Локка «факт» становится полноценным научным понятием, включенным в сложные концептуальные схемы. Так, критикуя сторонников рационалистической философии, он отделяет тех, кто принимает за принципы неочевидные и недостоверные положения, от тех, кто разделяет общепринятые гипотезы. Главное отличие вторых «от вышеупомянутых людей в том, что они признают факт и соглашаются в этом со своими противниками, расходятся же с ними только в обосновании фактов и в объяснении способа их действия» [3, р. 286].

Здесь уже слово «факт» присутствует и в исходном английском тексте. Но различается содержание факта (matters of fact) и объяснение содержания факта (explain the matters of fact) [3, p. 285]. И первое, и второе нуждается в дополнительном пояснении. Слово «факт», изъятая из правоприменительной практики, уже не сводится к констатации того, что кто-то совершил вменяемое ему деяние. В локковском дискурсе речь идет о факте, содержание которого могут трактовать по-разному, не ставя при этом под сомнение его наличие. То же понимание факта мы находим и в текстах Д. Юма [4, p. 18–19].

И. Кант применяет понятие факта уже в совершенно ином контексте, связывая его с понятием опыта. При этом он прекрасно отдает себе отчет в различии юридической и философской традиций применения данного термина и его трактовки. «Юристы, — пишет И. Кант, — когда они говорят о правах и притязаниях, различают в судебном процессе вопрос о праве (quid iuris) от вопроса о факте (quid facti) и, требуя доказательств того и другого, называют первое из них, а именно доказательство права или справедливости притязаний, дедукцией...» [5, с. 46]. При этом Кант дает одно из первых определений понятия факта: «Любой факт есть предмет в явлении (чувств); напротив, то, что может быть представлено только чистым разумом, что должно быть причислено к идеям, адекватно которым не может быть дан в опыте ни один предмет... это вещь в себе» [6, с. 302]. И сегодня юридические факты трактуются как нечто, связанное с нормами, т.е. с тем, что по своей природе является идеальным [7; 8]. Л.И. Шестов приписывает Гегелю фразу: «Если моя теория не согласуется с фактами, то тем хуже для фактов» [9, с. 25].

Звездный час понятия факта наступает в философии позитивизма. «Именно в законах явлений действительно заключается наука, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они ни были, являются всегда только необходимым сырым материалом... предвидение, необходимо вытекающее из постоянных отношений, открытых между явлениями, не позволит никогда смешивать реальную науку с той бесполезной эрудицией, которая механически накапливает факты, не стремясь выводить одни из других» [10, p. 9]. Б. Рассел называл свою философскую систему логическим атомизмом, понимая под атомами эмпирические факты. Он считал триумфом то, что «мир содержит факты, которые суть то,

что они суть, независимо от того, что мы предпочитаем о них думать, и что существуют также убеждения [beliefs], которые имеют отношение к фактам и которые посредством ссылки на факты являются либо истинными, либо ложными» [11, p. 5]. В том же ключе мыслил и Л. Витгенштейн в первый период своего творчества. Он попытался определить, что такое мир, состоящий из фактов: «1. Мир есть все то, что имеет место. 1.1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей. 1.11. Мир определен фактами и тем, что это все факты. 1.12. Потому что совокупность всех фактов определяет как все то, что имеет место, так и все то, что не имеет места. 1.13. Факты в логическом пространстве суть мир. 1.2. Мир распадается на факты» [12, p. 5–6].

Лингвистический поворот из средства спасения фактов превратился в средство их устранения, удаления из концептуального пространства философов, которых более заинтересовали сами речевые действия, нежели их реификация [13; 14]. Мир как совокупность фактов уступил место миру как совокупности его описаний. Попытка подчинить описание фактов законам логики не удалась — оказалось, что описания фактов подчиняются законам языка, причем понятого не логически, а прагматически и социологически. Факты «перестали» быть чем-то субстанциональным, фактически они превратились в тексты, описывающие фрагменты действительности с различной степенью точности, корректности или ясности [15, p. 142].

Для правоприменительной практики факты являются необходимым и обязательным элементом познавательной деятельности. Только установление фактической основы дела позволяет юристу разрешать спор и применять правовые нормы. Правильное установление фактической основы становится залогом правильности принятого правоприменительного решения.

При этом юридическая теория явно недостаточно внимания уделяет исследованию и определению «факта» как теоретической конструкции, обеспечивающей объективную основу правоприменительного акта. Исследования юридических фактов в теории права тесно связывают прежде всего с правовым регулированием, пытаюсь понять, как правовые нормы рождаются из обобщения жизненных ситуаций [7]. Между тем познавательная деятельность в уголовном судопроизводстве имеет свои особенности как гносеологического [16, с. 10; 17, с. 5], так и правового [18, с. 52–55] характера.

Представление о познании как отражении, «копировании», «фотографировании» действительности сознанием воспринимающего ее субъекта [18, с. 206–207; 19, с. 79–85; 20, с. 26; 21, с. 12] выступает явным упрощением и предельным огрублением тех сложных познавательных процессов, в результате которых возникает или складывается знание, а тем более описание этого знания в словах и терминах.

Событие преступления как объект познания, имеющий существенные особенности [22, с. 59–61; 23], кроме прочего, является событием прошлого, как правило, не сохраняющимся на момент начала его юридического познания. Познающий субъект лишен возможности познать его путем непосредственного наблюдения [24, с. 227; 25, с. 21], а также не может соотносить с ним, как с реальностью, полученное в процессе производства по делу знание, проверить «воочию» истинность последнего. Между тем вся проблематика истинности познания в уголовном судопроизводстве лежит именно в плоскости сопоставления содержания полученного знания с действительностью, объективно существовавшей вне сознания познающего субъекта.

Проблема качества текстов обвинения состоит, в частности, в том, что в силу их информативного назначения в них должны содержаться детальные описания конкретных фактов как единичных событий, свершившихся в обыденной жизни, с использованием соответствующего этому языку фактов. Недопустимо подменять данный язык абстрактными правовыми терминами, обозначающими идеальные (мыслимые) правовые конструкции, а тем более подменять язык описания индивидуального факта малосодержательными, обобщенными фразеологическими штампами типа «имея намерение завладеть чужим имуществом» и т.п.

Излагаемые в тексте обвинения факты должны быть описаны так, чтобы утверждения воспринимались однозначно и вне разумных сомнений всеми, кто знакомится с этим текстом или использует его в судопроизводстве. При профессиональном и качественном расследовании фактические обстоятельства дела излагаются в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, затем — в обвинительном заключении, а в завершение — в приговоре в точном соответствии с требованиями закона (ст. 73 УПК РФ). В них языком фактов описывается время, место, обстоятельства совершения преступления, детально излагаются действия,

совершенные обвиняемым и свидетельствующие о его виновности, а также иные обстоятельства, имеющие юридическое значение по делу.

Но все чаще встречаются описания события преступления языком юридических терминов, что практически делает невозможным понять, как же произошло конкретное преступление. В результате такие описания становятся основой для применения к используемым в них терминам права соответствующей им нормы права. Поясним это на примере.

В обвинительном заключении по делу о краже фактические обстоятельства были изложены следующим образом: «03 октября 2003 года, примерно в 15 часов 30 минут, Е., являясь инкассатором ОСБ № 2XXX, расположенного по адресу XXXX, имея намерение на хищение чужого имущества, при получении инкассаторских сумок с деньгами в помещении банка по указанному адресу, воспользовавшись тем, что кассиры и другие инкассаторы отвлеклись и за ним никто не наблюдает, тайно похитил сумку, в которой находились деньги в сумме 450.000 рублей, принадлежащие ОСБ № 2XXX, после чего с места происшествия с похищенным скрылся, тем самым причинив банку ущерб в крупном размере»¹.

Что дало следователю право утверждать, что совершена кража? Какие, например, факты стоят за фразой «имея намерение на хищение чужого имущества» применительно к конкретному делу? О каких действиях обвиняемого по данному делу идет речь, когда следователь пишет: «Тайно похитил сумку»? Изучение следственной и судебной практики, например, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 228 УК РФ, показывает еще один распространенный подход, сформировавшийся не сегодня. Более того, такая практика изложения утверждений об обвинении начинает проникать и в уголовные дела, где, казалось бы, nonsensical представлять обстоятельства дела в такой форме. В деле по обвинению М. фактические обстоятельства были изложены так: «...в не установленное следствием время в 2010 году, но не позднее 23 часов 37 минут 23 июля 2010 года, в не установленном следствием месте... М., имея умысел на совершение насильственных действий сексуального характера в отношении... малолетней, совершил в отношении нее, то есть лица, не до-

¹ Приговор по делу № 16095 по обвинению Ефремова А.П. // Архив Королевского районного суда Московской области за 2004 г.

стигшего четырнадцатилетнего возраста, иные действия сексуального характера»². Анализ многочисленных нарушений при производстве по данному делу дал профессор А.А. Эксархопуло [26]. Но в этом деле возник тот же вопрос: как можно утверждать о «развратных» действиях, если следователь официально признается, что не знает, когда, где и в какой обстановке они были совершены?

Верховный Суд неоднократно указывал, что при таком утверждении об обвинении нарушаются требования, прямо предписанные следователю, дознавателю и суду ст. 73 УПК РФ, и остается неустановленным, какие именно фактические обстоятельства эти субъекты познания установили по данному уголовному делу. При таком изложении текста обвинения сопоставление его с реальным событием преступления становится невозможным. Нельзя установить, соответствует ли утверждение об этих обстоятельствах тем фактам, которые были в действительности, и почему эти факты можно признать незаконными и преступными. Кроме того, подобные утверждения об обвинении вступают в противоречие с правовыми рамками познания: они не позволяют установить, когда было совершено преступление и какой уголовный закон подлежит применению, тем более в современных условиях, когда последний меняется постоянно. Остается невыясненным и срок давности привлечения к уголовной ответственности, который тоже обязан выяснять следователь, дознаватель в силу п. 5 ч. 1 ст. 73, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Если обвинители не знают времени совершения преступления, то почему не толкуют это неустранимое сомнение в пользу обвиняемого как совершение деяния в период, свидетельствующий, что срок давности истек?³ С правильным пониманием факта и его правового значения в уголовном судопроизводстве связаны и практические аспекты достижения соответствия утверждения об обвинении самой реальной действительности совершения данного преступления. Чем и как может быть обеспечено достаточное обоснование такого соответствия?

² Приговор по делу № 333847 от 5 сентября 2011 г. // Архив Таганского районного суда г. Москвы за 2011 г.

³ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 26 сентября 2006 г. по делу № 56-ДП05-74 [Электронный ресурс] // ИПС «Гарант»; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30 августа 2006 г. № 454-П06 [Электронный ресурс] // Там же.

Проблема соответствия текста обвинения и действительности обусловлена тем, что процессуальное познание не является действием одноактным, по принципу «увидел — познал». Результат познания отделен от объективной реальности несколькими уровнями познавательной деятельности. Это существенно осложняет выбор критериев, позволяющих определить и оценить, соответствует ли текст обвинения реальности совершения преступления.

В советской теории доказательств сформировалось и до сих пор сохраняется представление о двух уровнях познавательной деятельности [27, с. 23]. Первым уровнем познания является практическая и логическая деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств. На втором уровне формируется умозаключение о фактических обстоятельствах дела, имеющих юридическое значение для применения правовой нормы, как выводное знание, строящееся на основе совокупности собранных доказательств по законам логики и оформляемое в виде соответствующего текста. Это представление в определенной мере обусловило и правовое регулирование (ст. 70, 71 УПК РСФСР, затем ст. 85–88 УПК РФ).

В реальной практике процесс познания протекает значительно сложнее. Как верно указывает профессор С.А. Шейфер, доказательства, которыми можно было бы удостоверить утверждение об обвинении, в готовом виде не существует. В реальной процессуальной практике они не «собираются», а «формируются» следователем в процессе доказывания [28, с. 32–36], и роль и значение субъективного фактора в формировании обоснования соответствия утверждения действительности неизмеримо возрастают. Доказательства, формируемые самим следователем, безусловно, содержат объективную информацию о фактах, но они неизбежно включают и элементы субъективного преобразования этой информации в сознании следователя. Различить их крайне сложно, и они находят отражение в тексте соответствующего протокола следственного действия в слитом, не разделенном, едином словесном описании. В этом смысле они не могут быть зеркальным отражением факта, не могут объективно, т.е. независимо от сознания следователя, свидетельствовать о соответствии его утверждения об обвинении тому, что произошло в действительности. Все доказательства, присутствующие в уголовном деле, в большинстве своем представляют собой опре-

деленные тексты, которые сами требуют соотнесения их с действительностью.

Факт (событие) преступления к моменту познания уже не существует в действительности в его целостном состоянии. В лучшем случае к моменту познания объективно (т.е. в своем предметном выражении) могут сохраниться лишь отдельные фрагменты, результат или сопутствующие обстоятельства, так или иначе связанные с преступлением. Следовательно, текст доказательства может быть соотнесен только с этими разрозненными, но фактическими фрагментами реальности, сохранившимися на момент познания. Поскольку доказательством признается текст, а не фрагмент реальности, нельзя не учитывать, что каждое из доказательств содержит отобранную следователем и описанную им же часть информации, которая может совпадать, а может и не совпадать с объективными проявлениями фрагментов события преступления, сохранившихся в действительности к моменту познания.

При таком двухуровневом понимании процессуального познания мы с неизбежностью соотносим итоговое утверждение о событии преступления, построенное по правилам логики, как выводное знание (текст), только с совокупностью текстов доказательств, сформированных также следователем. Необходимое фактическое звено, позволяющее соотнести каждый из текстов с реальностью, исчезает. Возникает определенный логический разрыв в построении умозаключения от доказательства к событию преступления. Доказательства не говорят непосредственно о целостном событии преступления, они могут быть соотнесены лишь с отдельными фрагментами реальности. А сами сохранившиеся на момент познания фрагменты реальности не выделяются и не осознаются как самостоятельный и непосредственный предмет познания, требующий своих собственных процедурных форм фиксации для максимального сохранения информации о реальных фрагментах преступления. Утверждение о событии как о факте не получает необходимого объективного подтверждения.

Это порождает проблему критериев оценки правильности познания. В качестве критерия юристы вынуждены оперировать субъективным «внутренним убеждением», совокупностью доказательств, формирование которой тоже несет значительный элемент субъективности, законом, который ничего не знает о реальном преступном событии, и совестью, которая по

своему назначению находится вне категории познания (ст. 17 УПК РФ). Это вступает в явное противоречие с пониманием «объективной истины» как свойства знания, свидетельствующего, что содержание знания соответствует действительности, существующей независимо от сознания (в том числе внутреннего убеждения, совести и пр.) познающего. Рассуждения о некой общей социальной практике, жизненном и профессиональном опыте следователя как о критериях истинности процессуального познания [29, с. 220–221] не выдерживают критики уже потому, что уголовное судопроизводство имеет дело с единичным случаем преступления и его расследования, обладающим уникальностью и неповторимостью. Поэтому и познание его фактических обстоятельств должно соответствовать не общей практике следователя, а объективной и уникальной действительности этого единичного события.

Представляется, что решению прикладной проблемы обеспечения соответствия утверждения об обвинении тому, что произошло в обыденной действительности, может способствовать выделение и более детальное исследование эпистемологией и теорией доказывания в уголовном судопроизводстве как категории факта, так и еще одного, первоначального, уровня процессуального познания. Непосредственным предметом познания на этом уровне должно признаваться познание тех фрагментарных и разрозненных фактов реальной действительности, которые причинно связаны с событием преступления, отражают его отдельные характеристики, но, в отличие от него, сохраняются в объективной реальности на момент познания.

Например, убийство как событие преступления со всеми его уголовно-правовыми характеристиками завершено, и на момент познания его в объективной реальности уже нет. Но на месте преступления остался труп с определенными телесными повреждениями, он находится в определенном месте, в определенной обстановке. Для удобства обозначения назовем это фактом в обыденном употреблении данного слова, без сложных философских рассуждений о понимании термина «факт». Именно этот факт, являющийся, с одной стороны, лишь одним из фрагментов уже «ушедшего в прошлое» события преступления, а с другой стороны, наличным фактом действительности в момент познания, становится непосредственным предметом познания следователя.

Таких фактов, оставшихся в действительности как фрагменты конкретного преступления, может быть много или мало. Они разнообразны по содержанию и своим проявлениям, разобщены по месту в пространстве. Каждый из них является фрагментом реальности совершенного преступления, но эти фрагменты явно недооцениваются как объект исследования современной теорией доказывания. Практика также недооценивает их собственное значение, акцентируя внимание в лучшем случае на их описании в протоколах следственных действий. Между тем внимание к познанию такого рода фактов как к непосредственному предмету познания по каждому делу могло бы дать то основание, которое свяжет текст утверждения следователя о событии преступления с «остатками» объективной реальности, в которой оно произошло.

Это в известной мере возвращает нас к вопросу о доказательственных фактах и обсуждению их значения как логического доказательства при построении умозаключения о событии преступления. Об этом писали еще дореволюционные российские процессуалисты [30, с. 68]. «Уголовным доказательством называется всякий факт, имеющий назначением вызвать в суде убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования», — отмечал Л.Е. Владимиров [31, с. 100]. В советский период об этом писал В.Д. Арсеньев, полагавший, что факты, так же как и сведения о них, «в уголовном процессе выступают как доказательства» [32, с. 7]. Позже, с уяснением информационной природы доказательства, наука отказалась от понимания такого рода фактов как доказательств. Современная наука придает несколько иное значение термину «доказательственные факты» [32, с. 19–36; 33, с. 5–7; 34, с. 52–53, 55, 140–143] и относит к ним различного рода промежуточные факты, которые сами по себе юридического значения не имеют, но в условиях конкретного дела способствуют установлению главного факта [18, с. 180]. Справедливо подчеркивается при этом, что доказательственные факты сами подлежат установлению с помощью доказательств, т.е. требуют доказывания. Как правило, доказательственные факты в современной литературе и практике не считаются чем-то необходимым для процессуального познания. К ним прибегают только в отдельных

случаях, когда возникает необходимость такого «косвенного» доказывания.

Между тем в практике уголовного судопроизводства познание по каждому уголовному делу начинается именно с познания того, что «осталось» в реальности от события преступления как его фрагменты, так или иначе связанные с уже прошедшим событием. Только эти фрагменты реальности и существуют не как тексты, составленные самим познающим субъектом, а как явления, имеющие место в действительности вне сознания познающего субъекта и независимо от него [35, с. 18–19]. Они могут быть непосредственно или опосредованно познаны им; могут быть описаны им в виде текста, но при этом остаются как фрагменты самой реальности. Эти фрагменты реальности имеют свои особенности, которые влияют на процессуальные возможности познания таких фактов и оперирования ими в уголовном судопроизводстве:

1. Они существуют независимо от познающего субъекта, но предметом непосредственного познания могут стать только по его выбору.

2. Они связаны с совершенным преступлением различными пространственно-временными, причинно-следственными и иными связями. Посредством таких фактов проявляется результат преступного деяния или фактическое содержание самих преступных действий. Непосредственным предметом познания могут стать и факты, предшествовавшие или сопутствовавшие преступлению или последовавшие за ним и в связи с ним, которые сохраняются на момент познания. Вместе с тем связи существующих фактов с прошедшим преступлением не всегда могут быть очевидными, что требует их выявления и оценки познающим субъектом.

3. Они в той или иной мере проявляют во внешнем мире признаки и характеристики совершенного преступления. Только по этим признакам и характеристикам можно реконструировать образ преступления в целом, что определяет их юридическое значение для процессуального познания.

4. Они существуют на момент познания и сохраняются еще некоторое время, что позволяет соотнести с ними результаты познания. Их познавательная ценность именно в том, что, в отличие от самого события преступления, они существуют, что дает возможность разным субъектам процессуального познания сопоставлять действительность и содержание утверждения о ней.

5. Рано или поздно проявляется временный характер и их присутствия в объективной реальности. Они, так же как и преступление, могут со временем исчезать, изменяться, разрушаться. Их, как правило, невозможно сохранять в реальной действительности в неизменном виде все то время, пока идет производство по делу. По существу, сохранение в объективной реальности таких фрагментов события преступления на момент процессуального познания порождает саму возможность получения процессуального доказательства. Фактические данные, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, — это информация о тех фактах, которые «остались» от события преступления.

6. Формирование процессуальных доказательств как текста, отражающего информацию о сохранившихся фрагментах преступного события, становится способом процессуального получения, закрепления, сохранения и передачи всем другим участникам процесса информации об этих фактах. Достоверность доказательства может быть проверена сопоставлением с самим фактом только до тех пор, пока он сохраняется в реальности в неизменном виде. Этим обуславливается необходимость оперативно и качественно собирать доказательства; строго соблюдать процедуру следственных действий, обеспечивающую допустимость доказательства; широко использовать современные технические средства фиксации хода следственного действия и его результатов. В этом контексте решение о сокращении участия понятых в следственных действиях (ст. 170 УПК РФ) не может подрывать гарантий правильности познания и возможностей установления истины по делу уже в силу того, что доказательства лишаются важного подтверждения соответствия текста протокола следственного действия тому факту объективной реальности, который фиксируется при этом.

7. Особенность фактов такого рода еще и в том, что они проявляют во внешнем мире черты и характеристики события преступления лишь фрагментарно. Далекое не все проявления преступления сохраняются в объективной реальности. Далекое не все проявления может заметить и зафиксировать познающий субъект. Не исключается, что отдельным фактам познающий субъект не придаст юридического значения и оставит их непознанными. Поэтому непосредственным предметом познания должна быть

вся совокупность юридически значимых фактов, посредством которых преступное событие отразилось в объективной реальности.

С одной стороны, гарантией познания всей совокупности фактов является высокий профессионализм и добросовестность познающего субъекта, его ответственность за качество познания. С другой стороны, гарантийное значение приобретает состязательный характер познавательной деятельности. Если субъект, несущий бремя доказывания обвинения, по ошибке или сознательно оставил непознанными факты, свидетельствующие в пользу защиты, они будут введены в процесс познания стороной защиты. Вот почему следователь должен быть заинтересован как можно раньше получить от защиты информацию о наличии фактов, которые он не заметил или оставил непознанными, установить их и учесть при формировании своего утверждения об обвинении. При этом познание фактов и опора на них в обосновании соответствия полученного знания действительности позволяют обвинению более обоснованно спорить с защитой в суде. Показания подозреваемого, обвиняемого, ходатайства защитника, соотнесенные с реальными фактами, сохраняющимися в действительности в период познавательной деятельности, оцениваются с позиции их соответствия или несоответствия этим фактам.

8. Еще одна особенность такого рода фактов обусловлена тем, что преступление — это такое событие объективной реальности, которое, как правило, тщательно скрывают. Поэтому не исключены, а скорее закономерны ситуации, когда фактов, оставшихся в реальной действительности после преступления, явно недостаточно. Они могут быть уничтожены или сознательно искажены преступником. Преступник может создать «ложные факты», которые на самом деле связаны не с самой преступной деятельностью, а с ее сокрытием. Далекое не всегда есть объективная процессуальная возможность распознать все эти искажения или получить достаточную совокупность фактов для построения правильного образа обстоятельств преступления и утверждения о нем.

Обсуждение возможностей установления «объективной» истины в уголовном судопроизводстве не может вестись без учета особенностей и сложностей практики. Термин «объективная» вообще оказывается непригодным для такой практики. Установление истины, в

обыденном смысле этого слова, иногда бывает возможным. Когда это объективно возможно в условиях расследования конкретного преступления, следователь не вправе уклониться от установления истины. Но когда следователь сделал все от него зависящее, а истина осталась непознанной, наличие неустрашимых сомнений в достоверности или доказанности обвинения требует безусловного применения правил ч. 3 ст. 49 Конституции РФ и ч. 3, 4 ст. 14 УПК РФ о толковании сомнений в пользу обвиняемого.

Следовательно, результатом познания в реальной процессуальной практике может быть как установление истины, так и невозможность ее установления. В последнем случае использование иных допускаемых процессуальным законом юридических правил доказывания, закрепленных как презумпции, преюдиции, фикции, свидетельствует о праве суда ограничиться уровнем только формального обоснования выводов и решений по делу, оставляя вопрос об истинности познания открытым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grayling A.C. Truth, Meaning and Realism: Essays in the Philosophy of Thought / A.C. Grayling. — L. ; N.Y. : Continuum, 2007. — 174 p.
2. Kelly T. Epistemic Significance of Disagreement / T. Kelly // Oxford Studies in Epistemology. — Oxford Univ. Press, 2005. — Vol. 1. — P. 167–196.
3. Locke J. An Essay Concerning Human Understanding / John Locke. — Oxford : Clarendon Press, 1975. — 914 p.
4. Hume D. An Enquiry concerning Human Understanding / D. Hume. — Oxford Univ. Press, 2008. — 238 p.
5. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Сочинения : в 8 т. / И. Кант. — М. : Чоро, 1994. — Т. 6. — 613 с.
6. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. — М. : Мысль, 1994. — 591 с.
7. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве / В.Б. Исаков. — М. : Юрид. лит., 1984. — 144 с.
8. Коген Г. Теория опыта Канта / Г. Коген. — М. : Акад. проект, 2012. — 618 с.
9. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) / Л.И. Шестов. — Р. : Ymca-Press, 1971. — 231 с.
10. Comte A. A General View of Positivism / A. Comte. — L. ; N.Y., 1908. — 247 p.
11. Russel B. The Philosophy of Logical Atomism / B. Russel. — Open Court, La Sale, 1993. — 188 p.
12. Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus / L. Wittgenstein. — L. , N.Y. : Routledge, 1974. — 106 p.
13. Murphy N. Scientific Realism and Postmodern Philosophy / N. Murphy // The British Journal for The Philosophy of Science. — 1990. — Vol. 41. — P. 288–297.
14. Thomason N. Could Lakatos, Even With Zahar's Criterion for Novel Fact, Evaluate the Copernican Research Programme? / N. Thomason // British Journal for Philosophy of Science. — 1992. — Vol. 43, iss. 2. — P. 161–200.
15. Ramsey F.P. Facts and propositions / F.P. Ramsey // Proceedings of Aristotelian Society / ed. by D.H. Mellor. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990. — Vol. 7. — P. 153–170.
16. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств : крат. очерк / А.И. Трусов. — М. : Госюриздат, 1960. — 176 с.
17. Кокорев Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1995. — 272 с.
18. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. — СПб. : Питер, 2004. — 697 с.
19. Тютин В.С. Отражение, система, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода / В.С. Тютин. — М. : Наука, 1972. — 256 с.
20. Коршунов А.М. Сущность отражения / А.М. Коршунов // Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексева, А.М. Коршунова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 367 с.
21. Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения: (философский аспект) / Н.И. Дейнеко. — Киев ; Одесса : Вища шк., 1978. — 167 с.
22. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине / Л.А. Воскобитова // Библиотека криминалиста. — 2012. — № 4 (5). — С. 56–64.
23. Воскобитова Л.А. Особенности процессуального познания: продолжение дискуссии / Л.А. Воскобитова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 4. — С. 22–25.
24. Насонов С.А. Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам / С.А. Насонов, В.А. Образцов, Т.Ю. Рзаев // Труды Московской государственной юридической академии : сб. ст. / гл. ред. В.Е. Эминов. — М. : Юристъ, 1997. — Вып. 2. — С. 227–243.
25. Следственные действия: Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / С.Н. Богомолова, В.А. Образцов, А.А. Протасевич [и др.] ; под ред. В.А. Образцова. — М. : Юристъ, 1999. — 501 с.
26. Эксархопуло А.А. Дело, которого не должно было быть... / А.А. Эксархопуло // Эксперт-криминалист. — 2012. — № 1. — С. 37–40.
27. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу / С.Б. Россинский. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 224 с.
28. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. — М. : Норма, 2008. — 240 с.
29. Победкин А.В. Моральные победы — не считаются? / А.В. Победкин // Библиотека криминалиста. — 2012. — № 4 (5). — С. 209–223.

30. Викторский С.И. Русский уголовный процесс : учеб. пособие / С.И. Викторский. — М. : Городец, 1997. — 448 с.
31. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. — СПб., 1916. — 464 с.
32. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В.Д. Арсеньев. — М. : Юрид. лит., 1964. — 179 с.
33. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие / П.А. Лупинская. — М. : Изд-во Всесоюз. юрид. заоч. ин-та, 1966. — 102 с.
34. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
35. Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / В.Я. Лившиц. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. — 208 с.

REFERENCES

1. Grayling A.C. *Truth, Meaning and Realism. Essays in the Philosophy of Thought*. London, New York, Continuum, 2007. 174 p.
2. Kelly T. Epistemic Significance of Disagreement. *Oxford Studies in Epistemology*. Oxford University Press, 2005, vol. 1, pp. 167–196.
3. Locke John. *An Essay Concerning Human Understanding*. Oxford, Clarendon Press, 1975. 914 p.
4. Hume D. *An Enquiry concerning Human Understanding*. Oxford University Press, 2008. 238 p.
5. Kant Immanuel. *Die Metaphysik der Sitten*. Leipzig, Verlad der Durrschen Buchhandlung, 1870. 628 S. (Russ. ed.: Kant I. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Choro Publ., 1994. Vol. 6. 613 p.).
6. Kant Immanuel. *Kritik der reinen Vernunft*. Riga, 1781. (Russ. ed.: Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 591 p.).
7. Isakov V.B. *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal Facts in Soviet Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. 144 p.
8. Kogen G. *Teoriya opyta Kanta* [Kant's Theory of Experience]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2012. 618 p.
9. Shestov L.I. *Apofoez bespochvennosti (opyt adogmaticheskogo myshleniya)* [The Apotheosis of Groundlessness (an Experience of Adogmatic Thinking)]. Paris, Ymca-Press, 1971. 231 p.
10. Comte A. *A General View of Positivism*. London, New York, 1908. 247 p.
11. Russel B. *The Philosophy of Logical Atomism*. Open Court, La Sale, 1993. 188 p.
12. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. London, New York, Routledge, 1974. 106 p.
13. Murphy N. Scientific realism and postmodern philosophy. *The British Journal for The Philosophy of Science*, 1990, vol. 41, pp. 288–297.
14. Thomason N. Could Lakatos, even with Zahar's criterion for novel fact, evaluate the Copernican research program? *British Journal for Philosophy of Science*, 1992, vol. 43, iss. 2, pp. 161–200.
15. Ramsey F.P. Facts and propositions. In Mellor D.H. (ed.). *Proceedings of Aristotelian Society*, Cambridge University Press, 1990, vol. 7, pp. 153–170.
16. Trusov A.I. *Osnovy teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Main Theories of Court Evidence]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 176 p.
17. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. *Ugolovnyi protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal Procedure: Proof and Proofing]. Voronezh State University Publ., 1995. 272 p.
18. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2004. 697 p.
19. Tyukhtin V.S. *Otrazhenie, sistema, kibernetika. Teoriya otrazheniya v svete kibernetiki i sistemnogo podkhoda* [Reflection, System, Cybernetics. The Theory of Reflection in the Light of Cybernetics and System Approach]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 256 p.
20. Alekseev M.N., Korshunov A.M. (eds). *Dialektika protsessa poznaniya* [Dialectics of Cognition Process]. Moscow State University Publ., 1985. 367 p.
21. Deineko N.I. *Ob"ektivnoe i sub"ektivnoe v protsesse otrazheniya (filosofskii aspekt)* [Objective and Subjective in Reflection Process (Philosophic Aspect)]. Kiev, Odessa, Vishcha shkola Publ., 1978. 167 p.
22. Voskobitova L.A. Certain aspects of cognition in criminal proceedings that go contrary to Truth Myth. *Biblioteka kriminalista = Library of the Criminologist*, 2012, no. 4 (5), pp. 56–64. (In Russian).
23. Voskobitova L.A. Features procedural knowledge: the continuation of the discussion. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2016, no. 4, pp. 22–25. (In Russian).
24. Nasonov S.A., Obratsov V.A., Rzaev T.Yu. Criminalistic supervision as a method of collecting orienting information in criminal proceedings. In Eminov V.E. (ed.). *Trudy Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Proceedings of Moscow State Juridical Academy]. Moscow State Juridical Academy Publ., 1997, no. 2, pp. 227–243. (In Russian).
25. Bogomolova S.N., Obratsov V.A., Protasevich A.A. et al. *Sledstvennye deistviya. Kriminalisticheskie rekomendatsii. Tipovye obraztsy dokumentov* [Investigation Activities: Criminalistic Recommendations. Typical Documents]. Moscow, Yurist Publ., 1999. 501 p.
26. Eksarkhopulo A.A. A case that should not have been... *Expert-Criminalist*, 2012, no. 1, pp. 37–40. (In Russian).
27. Rossinskii S.B. *Rezultaty «neverbal'nykh» sledstvennykh i sudebnykh deistvii kak vid dokazatel'stv po ugovnomu delu* [Results of «Non-Verbal» Investigation and Court Activities as Type of Evidence on Criminal Case]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 224 p.
28. Sheifer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Proof and Proofing in Criminal Cases: Issues of Theory and Legal Regulation]. Moscow, Norma Publ., 2008. 240 p.
29. Pobedkin A.V. Moral victories: do they not count? *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2012, no. 4 (5), pp. 209–223. (In Russian).
30. Viktor'skii S.I. *Russkii ugovnyi protsess* [Russian Criminal Process]. Moscow, Gorodets Publ., 1997. 448 p.
31. Vladimirov L.E. *Uchenie ob ugovnykh dokazatel'stvakh* [A Theory of Criminal Proof]. Saint Petersburg, 1916. 464 p.

32. Arsen'ev V.D. *Voprosy obshchei teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Issues on General Theory of Court Evidence]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1964. 179 p.

33. Lupinskaya P.A. *Dokazyvanie v sovetskom ugovnom protsesse* [Averment in Soviet Criminal Process]. Moscow, Kutafin Moscow State Law University Publ., 1966. 102 p.

34. Zhogin N.V. (ed.). *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [Proof Theory in Soviet Criminal Procedure]. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 736 p.

35. Livshits V.Ya. *Printsip neposredstvennosti v sovetskom ugovnom protsesse* [The Principle of Directness in Soviet Criminal Process]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воскобитова Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: lavosk@mail.ru.

Пржиленский Владимир Игоревич — профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор философских наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: vladprnow@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Воскобитова Л.А. Эволюция понятия факта: проблемы юридического познания и правоприменительной практики / Л.А. Воскобитова, В.И. Пржиленский // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 779–789. — DOI : 10.17150/2500-4255.2016.10(4).779-789.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Voskobitova, Lidiya A. — Head, Chair of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: lavosk@mail.ru.

Przhilenskiy, Vladimir I. — Professor, Chair of Philosophy, Social and Economic Disciplines, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Philosophy, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: vladprnow@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Voskobitova L.A., Przhilenskiy V.I. Evolution of the notion of fact: issues of legal cognition and law enforcement practices. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 779–789. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).779-789. (In Russian).